

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ ДАГЕСТАНА

Зачатки письменности, существовавшие до Великой Октябрьской социалистической революции у некоторых из дагестанских народов, не могли создать сколько-нибудь заметной литературной традиции. Литературные языки народов Дагестана как младописьменные языки советской эпохи стали формироваться на основе тех диалектов, которые определились в процессе развития как ведущие. Нормализация этих литературных языков представляет собой выявление особенностей общенародного употребления. У русских существует выражение, касающееся погрешностей против языковой нормы: «на литературном языке так не говорят»; у дагестанцев в таком случае употребительно другое выражение: «в народе так не говорят». Иначе говоря, у русских языковые нормы опираются на сложившиеся традиции литературного языка, а у дагестанцев, при отсутствии сложившихся литературных традиций, они непосредственно вытекают из фактов общенародного употребления. Литературный язык младописьменных народов в советскую эпоху характеризуется тем, что он возникает как орудие общения, всецело связанное с задачами социалистического преобразования и культурного подъема широких народных масс.

В Дагестане в качестве «официального языка письменности» в течение долгого времени употреблялся арабский язык, оставшийся чуждым народам Дагестана. На нем велась официально-канцелярская переписка, на нем был написан шариат — свод мусульманских религиозно-бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на догмах корана, он же был языком религии. Эти функции арабского языка порождали, как необходимое следствие, его употребление и в литературе.

Литература Дагестана возникла и развивалась как идеологическая база укрепления основ ислама и шариата, а впоследствии и мюридизма. Иногда говорят о том, что арабисты в Дагестане развивали не только религиозную литературу, но и светскую. Но это не совсем так. Средневековая, схоластическая в своей сущности, дагестанская арабистика главным образом занималась объяснением и толкованием основ ислама и арабского права. Это требовало хорошего знания арабского языка и, следовательно, необходимости изучения каких-то элементов филологической науки. Встречались и трактаты по математике, необходимые для решения вопросов, касавшихся наследственного права, трактаты по астрономии, которая помогала вычислять точное время молитв и постов¹. Встречались здесь также поэтические и прозаические произведения арабских авторов. Впоследствии стали появляться и оригинальные произведения на арабском языке, большей частью мемуарного характера, освещавшие исторические события в Дагестане.

Проникновение арабского языка в Дагестан в XVI—XIX вв. совпадает с периодом развития захватнической политики Ирана и Турции, с одной стороны, и России, с другой. Если передовые люди Дагестана, не скрывая своей симпатии к России, искали в ней поддержки против воцелений таких деспотических, отсталых государств, как Иран и Турция, то реакционное духовенство, распространяя арабскую религиозно-мистическую, аскетическую литературу, боролось против влияния передовой русской культуры.

Совершенно понятно, что, в связи с вовлечением Дагестана в сферу капиталистического развития после присоединения к России, арабский «официальный язык письменности» должен был оказаться отнесенным русским языком. Однако арабский язык,

¹ См. И. Ю. Крачковский, «Арабская литература на Северном Кавказе», ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 4, стр. 18.

насаждавшийся в течение столетий, стал настолько употребительным в официальной письменности, что русские власти временно вынуждены были признать за ним роль официально-канцелярского языка.

П. К. Услар, занимавшийся не только научным исследованием языков, но и вопросами распространения грамотности среди горцев, правильно оценивал двоякое влияние арабского языка на горцев. «Арабский язык», — писал он, — объединяет собою все враждебные нам элементы в Дагестане... Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе, — гнездилище мрачного изуверства, — где по методу, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран...¹

П. К. Услар почти для всех кавказских языков, которые он исследовал, в том числе и для дагестанских, составил специальные алфавиты на основе русской графики.

Инициатива П. К. Услара вначале получила некоторую поддержку. Открывались пробные школы для обучения на родных языках, в некоторых местах обучали представителей местного мелкого чиновничества, чтобы перевести делопроизводство с арабского на местные языки. Составлялись и выпускались азбуки, книги для чтения, сборники фольклорных произведений и т. д.

Если бы письменность, созданная П. К. Усларом, в свое время распространилась, это, несомненно, оказало бы прогрессирующее влияние на дагестанские языки, хотя бы даже тем, что на них стали бы печатать и светскую литературу познавательного характера. Но усларовские алфавиты вследствие противодействия мусульманского реакционного духовенства не прижились и поэтому в развитии литературных языков Дагестана не сыграли почти никакой роли.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала возможности для расцвета национальных культур и литературных языков народов Дагестана. Письменность кумыков, лакцев, аварцев, даргинцев, лезгин, которая до революции находилась в зачаточном состоянии, начала интенсивно развиваться, что в свою очередь способствовало развитию их литературных языков. Носители этих языков еще в досоветскую эпоху представляли собой народности. Многие же близко родственные между собой племенные группы, такие, как цезы (дидойцы), андийцы, бекитицы, ботлихцы, годоберинцы, гинухцы, гунибцы, тиндинцы, багулалы, чамалинцы, ахвахцы, хваршаны, каратинцы (относящиеся к аваро-андо-цезской подгруппе), а также табасаранцы, агулы, цахуры, рутульцы (входящие в состав лезгинской подгруппы), не успели пройти этого пути развития.

Младоязыменные языки Дагестана сохранили и в настоящее время весьма заметные следы былого племенного деления. Одни из них делятся на множество мелких и крупных наречий и говоров, которые отличаются друг от друга очень резко, другие же успели до некоторой степени нивелироваться и уменьшить число диалектов. В доревوليционном Дагестане в высокогорной части продолжали еще сохраняться племенные диалекты и названные выше «самостоятельные» языки, в то время как в предгорном и плоскостном Дагестане стали появляться территориальные диалекты, на основе нивелировки племенных диалектов. Эти территориальные диалекты продолжали развиваться, концентрируя и поглощая окружающие их мелкие говоры и вместе с тем углубляя свои специфические особенности.

Современные литературные языки Дагестана различны по уровню развития, а в какой-то, хотя и небольшой степени — и по времени возникновения письменности. Каждый из них имеет свои специфические особенности. Приведем данные по отдельным дагестанским языкам.

Значительная диалектная раздробленность аварского языка вызвала к жизни своеобразную устную общеварскую норму, известную под названием «болмац», т. е. общественный язык. Болмац, возникший на основе северных диалектов аварского языка, издавна используется аварцами для общения с представителями иных диалектов этого языка. Задолго до революции на болмаце стали издаваться многочисленные произведения религиозного характера, которые определенным образом воздействовали на последующее развитие аварского литературного языка. На этом языке после Октябрьской революции появились и первые произведения молодой аварской художественной литературы. Существование у аварцев языка междиалектного общения во многом облегчило процесс формирования и развития аварского литературного языка.

С аварским языком, как говорилось выше, тесно связана родственная с ним группа андо-цезских языков. В разные этапы исторического развития связь эта выражалась по-разному. В настоящее время все взрослые андо-цезы являются фактически двуязычными. Нередко с родным языком, на котором они говорят дома, в семье, каждый пародный цез, тиндинец, андиец повседневно пользуется аварским языком на собраниях, при

¹ П. У [с л а р], "О распространении грамотности между горцами, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, [изд.] IV, Тифлис, 1870, стр. 4.

встрече с жителем другого селения. На аварском языке он читает книги, газеты, пишет письма, поет песни. На аварском же языке идет и преподавание в школе до пятого класса. С пятого класса оно ведется на русском языке, как и во всех дагестанских сельских школах. Таким образом, аварский литературный язык стал средством приобщения к социалистической культуре тринадцати мелких племенных групп¹.

Не было особых трудностей в вопросе о выборе диалектной базы и для лакского литературного языка. В основу его естественно лег кумухский диалект, вокруг которого концентрировались все остальные диалекты лакского языка (селение Кумух, которое в исторических источниках часто именуется городом, представляло собой крупный торговый центр не только для лаков, но и для других окружающих дагестанских и недагестанских народов).

Гораздо сложнее проходил процесс формирования даргинского литературного языка. Даргинский язык представляет собой совокупность довольно большого числа диалектов, во многих отношениях сильно отличающихся друг от друга². Концентрация даргинских диалектов происходила по таким относительно крупным основным центрам, как Акуша, Урахи, Пудахар, при весьма слабых связях между носителями этих диалектов. Среди указанных центров лишь до некоторой степени выделялся Акуша, диалект которого в конечном счете и лег в основу даргинского литературного языка.

Кумыкская плоскость — территория распространения кумыкского языка, — так же как и другие плоскостные части Дагестана, в которых русское управление, подкрепленное вооруженными силами, утвердилось прочно, в период Кавказской войны подверглась очень незначительному влиянию мюридизма и поэтому весь длительный период, когда в горах неистовствовал имамат, кумыки жили сравнительно спокойно, занимаясь своими мирными делами, развивая свою культуру.

По всей вероятности, здесь письменность возникла и развивалась раньше, чем в других районах; стали появляться литературные произведения, которые были непосредственным продолжением сильно развитого у кумыков устного поэтического творчества. С первых же дней существования кумыкской литературы преобладающее значение приобрел северный, или аксайский, диалект; он и лег в основу кумыкского литературного языка.

Сравнительно легким оказался процесс создания лезгинского литературного языка. Диалектные различия в лезгинском языке незначительны и так называемый гюнейский говор, говор кюринского предгорья, довольно рано определялся как основа литературного языка.

По-разному решался вопрос о литературном языке у близко родственных лезгинам табасаранцев, рутульцев, цахурцев и агулов.

На табасаранском языке письменности была введена в 1932 г. До этого у табасаранцев письменности не было и преподавание в школах шло на азербайджанском языке. Отсутствие литературной традиции и диалектная раздробленность табасаранского языка осложнили его развитие. Многие вопросы в табасаранском литературном языке еще не нашли своего окончательного разрешения. Но тем не менее и молодой табасаранский литературный язык успешно развивается в условиях социалистического строительства и культурной революции.

Рутульцы, цахурцы и агулы, языки которых относятся к лезгинской группе, не имели своей письменности и преподавание в рутульских и цахурских школах шло на азербайджанском языке, а у агулов — на лезгинском. В 1953 г. все три народности отказались от азербайджанского и лезгинского языков и выразили желание обучать своих детей на русском. Таким образом, с 1954—1955 учебного года обучение в названных выше школах началось на русском языке.

Языковой вопрос стал одним из центральных вопросов политической борьбы в многонациональном Дагестане сразу же после революции. На одном из первых заседаний Временного исполнительного комитета, организованного после Февральской революции из представителей помещичье-буржуазно-клерикальных верхов Дагестана, куда входили и представители социалистических групп, стоял вопрос о языке преподавания в Дагестане. Группа, возглавляемая крупным помещиком Н. Годиным и антикоммунистом М. Дибировым, настаивала на том, что языком преподавания во всем Дагестане должен быть турецкий язык; мало того, они открыто делали ставку на Турцию. Группа, во главе которой стоял Ибрагим Кадиев, требовала введения арабского языка. Революционер Махач Дахадаев в нескольких своих выступлениях пытался доказать

¹ См. об этом также Е. А. Бокарев, Краткие сведения о языках Дагестана, Махач-Кала, 1949, стр. 19.

² См. Ш. Г. Гаприндзавили, К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка, «III (IX) научная сессия Ин-та языковедения (АН Груз. ССР)... План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952.

преимущества ориентации на русский язык, необходимость введения в начальной школе родных языков, а со старших классов и русского. Таким образом, сразу же после Февральской революции определились основные враждебные группировки вокруг языкового вопроса. После Великой Октябрьской социалистической революции в истории дагестанских языков наступает новый этап развития, коренным образом отличающийся от всех предыдущих. В результате победы ленинско-сталинской национальной политики как необходимого условия для развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры прежде всего был поднят вопрос о разработке письменности для ранее бесписьменных народностей, о создании у них литературных языков. Следовательно, наличие письменности и литературного языка — это первое условие, без которого немислимо социалистическое строительство. В речи на I съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. И. В. Сталин говорил: «Советская власть знает, что темнота — первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ и органы управления на местных языках».

Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины темноты и невежества, куда их бросила старая Россия¹.

Вот почему в Дагестане, так же как в других республиках Советского Союза, сейчас же после утверждения Советской власти на местах, наряду с другими основными вопросами укрепления и развития социалистического строя, так остро встал вопрос о письменности на родных языках. В прошлом зачатки письменности, основанной на арабской графике, у некоторых дагестанских народов уже были. Эта письменность первое время использовалась для наиболее распространенных языков, а на некоторых из них стали выходить газеты.

В 1928 г. в республике возникло массовое движение против арабского алфавита. Движение было вызвано недостатками арабской письменности. Арабский алфавит, не имевший гласных букв, являлся большим препятствием в деле нормализации произносительной системы языков. Огромная масса заимствуемых интернационализмов, советизмов и русизмов подвергалась двойному искажению: с одной стороны, в зависимости от фонетических особенностей каждого языка, а с другой — из-за не приспособленности арабского алфавита.

Развитие письменности на языках Дагестана встретило ожесточенное сопротивление со стороны буржуазных националистов и пантюркистов. В журнале «Маариф елы» и газете «Дагъыстан фукларысы», издававшихся в Дагестане в 20-х годах, печатались статьи, авторы которых высказывали «преимущества» турецкого языка над русским, стремились принизить роль дагестанских языков.

Однако аварцы, даргавцы и все другие народы Дагестана, вступив на путь социалистического строительства, использовали именно родные языки, а также помощь великого русского языка, который являлся и является средством приобщения дагестанских народов к достижениям науки и техники, к опыту борьбы за социализм. Дагестанские литературные языки в 1928 г. получили латинизированную письменность.

Пантюркисты пытались проводить свои взгляды и в области лексико-терминологической. Данный этап развития литературных языков характеризовался попытками засорения последних чуждыми дагестанским народностям арабо-тюркскими и персидскими словами. Подобная лексика шла в ущерб советизмам, русизмам; в совершенном забвении оставались потенциальные возможности для образования новых слов, расширения значений слов уже существовавших. Эти устремления в сторону арабо-персидско-турецкой лексики были чужды широким народным массам, которые стояли за развитие родного языка, за максимальное использование его внутренних ресурсов и обогащение за счет заимствований из русского языка.

В 1938 г. письменность дагестанских языков была переведена на новый алфавит, основанный на русской графике. Десятилетний опыт вскрыл недостатки латинизированного письма, которое препятствовало сближению народов Дагестана с русской культурой. Переход на новый, русский, алфавит является величайшим событием в истории развития литературных языков Дагестана, которое способствовало мощному подъему национальных культур в условиях бурного роста социалистического строительства на местах.

В настоящее время для развития дагестанских литературных языков особую важность приобретают вопросы, связанные с обогащением их словарного состава. Расширение общественных функций литературных языков ведет к пополнению словаря новыми словами путем использования внутренних ресурсов самих языков, а также путем заимствования из других языков.

И. В. Сталин указывает, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...»². При

¹ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 396.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 24.

этом И. В. Сталин, характеризуя изменения, происшедшие в словарном составе русского языка за советскую эпоху, отмечает, что он «...пополнился значительным количеством новых слов и выражений... изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»¹.

Низкий уровень культурного развития дагестанских народов до Октябрьской революции соответственно определял и низкий уровень развития словарного состава их языков. Поэтому обогащение лексики дагестанских языков в советскую эпоху происходит особенно интенсивно. Таким образом, те процессы изменений в словарном составе русского языка, о которых говорит И. В. Сталин, в дагестанских языках происходят в несравненно больших масштабах; при этом одним из основных источников обогащения словарного состава дагестанских и других языков Советского Союза, как известно, явился великий русский язык.

Какие же категории слов отмирают в дагестанских языках? Отмирает лексика, связанная со старой культурой, со старым способом производства, со старой религиозной идеологией; отмирают также старые административно-управленческие слова и т. д. Например, из аварского языка исчезли такие слова, как *басаеу* и *старшина*, употреблявшиеся в одном и том же значении «старшина», *гел* «глашатай», *дугуби* «старик», которые выбирались в аулах для решения общественных вопросов, *наэру* (араб.) «бездомное дарение», *сакълу* (араб.) «вакуф», *мутагъилае* (араб.) «учащийся при мечети», *цигъур* «младший учащийся». Из даргинского языка выпали слова *мангуш* «чауш», *барруман* «сельский исполнитель при старшине», *нухрат* «гроздь»; отмирают также слова, обозначающие части кустарного ткацкого станка, *сохи*. Слова с аналогичным значением выпадают и из других дагестанских языков. При этом они исчезают не сразу: существуя в течение многих веков в словарном составе дагестанских языков, эти слова после Октябрьской революции сначала стали архаизмами, а затем постепенно стали отмирать.

Находили свое отражение в лексике дагестанских языков и отдельные этапы в развитии советского строительства. Так, например, в 20-х годах во всех дагестанских языках появились такие русские слова, как *кредитом*, *культсанитурм*, *культуротод* и т. д. Однако вскоре из активной части лексики они перешли в пассивную и теперь употребляются лишь в исторической литературе.

Весьма широкие возможности пополнения словаря обнаруживаются в ресурсах самих дагестанских языков. Однако надо сказать, что эти ресурсы в каждом языке представлены по-разному, своеобразно как в качественном, так и в количественном отношении. Акад. В. В. Виноградов, характеризуя способы образования новых слов, пишет, что «если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка»².

Наиболее распространенным способом обогащения словарного состава дагестанских языков является заимствование корней слов, сочетающихся с аффиксами заимствующего языка. Примером могут служить такие аварские слова, как *колхозчик* «колхозник», *складчик* «завскладом», *электриклагибизе* «электрифицировать», *коллективлагибизе* «коллективизировать», *ремонт лагибизе* «ремонтировать» (*ремонт* + глагол *лагибизе* «делать»). В лезгинском языке им соответствуют слова *колхозник*, *засклад* или *складчик*, *электрикестелу* *цалум бан*, *колхозу дан* (буквально: «колхозы делать»), *ремонт дан* (буквально: «ремонт делать»); в лезгинском языке — *колхозчи* или *колхозник*, *складчи* или *засклад*, *электрикламишун* или *электрифицирасатун* («электрифицировать» + вспомогательный глагол *асун* «делать»), *коллектикламишун* или *колхоз асун* (*колхоз* + вспомогательный глагол *асун* «делать»), *ремонт асун*; в даргинском — *колхозник*, *засклад* (суффикс *чи* в даргинском языке малопродуктивен), *электрифицирасат барес*, *коллективизироват барес* или *колхоз барес* («барес «делать»); в кумыкском — *колхозчу*, *складчи*, *электриклаширмакъ*, *коллективлаширмакъ*, *ремонт стмек*.

Широкое распространение в дагестанских языках получило оформление заимствованных относительных прилагательных при помощи особых суффиксов, например в кумыкском языке: *амурал партизанлар* «амурские партизаны». В аварском языке множество прилагательных образуется посредством *-аб*, присоединяемого к родительному падежу имен существительных: *колхозал улаб*, *шурасанлаб* и т. д.

Значительный вклад в языки делается путем расширения значений исконных слов. Например, слово *товарищ* во всех дагестанских языках имело свое местное соответствие, оно употреблялось только по отношению к близкому человеку, теперь же значение его расширилось, так же как и в русском языке. В лезгинском языке, как свидетельствует М. М. Гаджиев, слово *юдаш* за последние годы стало употребляться как синоним слова *сунруг* (или *сунруга*).

Широко распространено в языках калькирование русских слов и словосочетаний;

¹ Там же, стр. 6.

² В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 15.

например, в значении русского слова «международный» в аварском языке употребляется *халкъалда гьоркъосеб*, в кумыкском — *халкъара*; слово «предисловие» в кумыкском языке передается посредством *башеб* («баш» «голова», «начало» + *себ* «слово»), в даргинском — *гъалагъай* (*гъала* «вперед» + *гъай* «слово»), в лезгинском — *сифтегаф* (*сифте* «начало» + *гаф* «слово»), в аварском — *цеберагъи* (*цебе* «вперед» + *рагъи* «слово») и т. д.

Следует отметить, что борьба со злоупотреблением в использовании арабо-турецкой и персидской лексики в Дагестане велась неорганизованно. Поскольку не было систематической работы над составлением терминологических словарей, нельзя было говорить и о кодификации терминов. Игнорирование терминологической работы привело к большому разнообразию в употреблении заимствованных слов и терминов не только в различных дагестанских языках, но и внутри каждого из них. В таком же положении и орфографическое оформление терминов. Нельзя было ограничиваться установлением принципов отбора слов. Нужно было установить грамматические и орфографические нормы заимствованных слов. Чтобы показать существующий разброд в терминологии, приведем несколько примеров, взятых из одного номера газеты «Дагестанская правда» (от 20 октября 1951 г.), выходящей на русском, даргинском, лезгинском, кумыкском и аварском языках.

Одна из заметок в русском номере газеты названа «Памятники древнего зодчества»; на кумыкский язык заголовков переведен следующим образом: *Бырынгы къуруучкъну памятниклери*, на лезгинский — *Архитектурадин къурые памятникер*, на даргинский — *Жыгъамнала зодчествола памятникери*, на аварский — *Цересел архитектурала памятникала*. На наш взгляд, наиболее удачен перевод на лезгинский язык, так как переводчик вместо термина «зодчество» взял общераспространенный термин «архитектура», а у аварского переводчика получилось «памятники прошлых архитекторов».

Чрезмерное увлечение созданием новых терминов средствами родного языка нередко приводит к курьезам. Так, термин *птицесодческая ферма* на лезгинский, кумыкский и даргинский языки переведен правильно, так как в них имеются слова, выражающие общее понятие «птица». В аварском же языке нет слова с таким обобщенным значением. Поэтому переводчик создал термин *гъанлъихъангъагъау ферма*, что значит в буквальном переводе на русский язык «воробьеводческая ферма», переводчик, повидимому, не думая, что у читателя возникнет представление о домашних птицах, но этого, конечно, не получилось. Для выражения понятия «домашняя птица» у аварцев преимущественно употребляется сочетание *гъанку-хъелего* (что буквально означает «курица-петух»), которым в данном случае и следовало бы воспользоваться.

Русское выражение *дворец культуры* на кумыкском, даргинском и лезгинском языках принято как термин. Аварский же переводчик, чтобы передать понятие «дворец», воскресил архаизм *къалгъа*. Но понятие, связанное с этим словом, давно отжило свой век, а термин *дворец* с несколькими новыми значениями проник из русского языка уже в советскую эпоху и распространился во всех языках Дагестана, в то время как аварское слово *къалгъа* почти забыто и новое содержание, вложенное в него, не доходит до читателей.

Аналогичных примеров из дагестанской печати можно привести очень много. Язык печати пестрит смысловыми искажениями, ошибками, малопонятными, устаревшими словами. Все это свидетельствует о том, что терминология дагестанских языков очень неустойчива, переводчики совершенно недостаточно используют внутренние ресурсы своего языка. Литературные языки Дагестана не упорядочены, что снижает в значительной степени эффективность их влияния на массы.

Разработка норм литературных языков должна прежде всего опираться на грамматический строй, основной словарный фонд и словарный состав того диалекта, вокруг которого концентрируются другие диалекты и говоры. Однако в процессе обогащения словарного состава не следует игнорировать словарное богатство и других диалектов.

В условиях развития современных дагестанских литературных языков особо важное значение имеет унификация терминов. При этом возникает вопрос, проводить ли общую унификацию с единой установкой для всех литературных языков Дагестана или же выработывать для каждого из них свои особые термины. То или иное решение этого вопроса определенным образом будет влиять на дальнейшее развитие языков, поэтому выбор должен быть всесторонне обдуманным.

На наш взгляд, наиболее приемлемым является первый вариант: унифицировать терминологию по всем литературным языкам Дагестана. Однако при этом не должны быть ущемлены внутренние ресурсы отдельных языков, которые в ряде случаев могут быть использованы очень удачно.

Переводчик русской литературы имеет дело с многообразной системой синтаксических форм и конструкций. Если соответствующих оборотов в дагестанских языках нет, они создаются заново. Таким образом, специфические обороты и конструкции русского языка, имеющие за собой длительный путь исторического становления и развития, в дагестанские языки проникают как готовые образцы в виде калек.

Необычайно широкое и глубокое развитие потенциальных возможностей дагестанских языков вызвано прежде всего влиянием русской художественной литературы. Наиболее переводные из дагестанских поэтов, не довольствуясь устаревшими, почти застывшими в своем развитии фольклорными образными средствами, шаблонными метафорами, успешно применяют новые средства литературного языка, опираясь на лучшие образцы русской художественной литературы. В результате этого обогащается и стилистическая система литературных языков Дагестана. Именно поэтому перевод произведений русской литературы на языки Дагестана оказывается одним из самых могучих и действенных средств их развития.

Таким образом, развитие литературных языков Дагестана идет, во-первых, путем выявления и использования потенциальных ресурсов дагестанских языков и, во-вторых, путем освоения и творческой переработки всего ценного и переводного, что проникает в дагестанские литературные языки из великого русского языка.

Ш. И. Микаилов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

На страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы статьи Л. С. Карума и Г. В. Шиникте относительно передачи русских имен собственными средствами латинского алфавита¹. Сопоставляя обе эти статьи, хочется прежде всего отметить несомненно правильную точку зрения Г. В. Шиникте относительно того, что при введении какой-то системы передачи надо иметь в виду цель, назначение этой системы: рассчитываем ли мы на массового читателя, которому надо дать транскрипцию, более или менее соответствующую действительному произношению слова, но без знаков, отсутствующих в его национальном алфавите, или же мы имеем в виду библиографа, работника паспортного стола, служащего в банке, для которых важно единство графики, чтобы правильно расставлять каталожные карточки, оформлять документы или денежные бумаги. Академическая система Л. В. Щербы применима только во втором случае². В первом случае необходима транскрипция по правилам английской, немецкой, французской и т. д. орфографии, и это вовсе не приспособленчество (так считает Л. С. Карум), а наоборот, большое преимущество, позволяющее людям зарубежных стран по возможности правильно произносить русские имена собственные, а не коверкать их так, как это делается с именами других латиноязычных языков. Так, *Нью-Йорк*, *Ньютон* и *Байрон* (*New York, Newton, Byron*) произносятся во Франции *Нёйорк*, *Нёмон*, *Бирон*. По ложной аналогии с английскими *Браун* и *Кейпмаун* (*Brown, Cape Town*), которые во Франции произносятся *Брун* и *Капмун*, французы произносят и в славянских окончаниях *-овский*: *Домбровский*, *Понятовский* (*Dombrowski, Poniatowski*)³. Французский фонетический словарь⁴ дает произношение польской фамилии *Лещинский* (*Łeżciński*) — *Лесенски*. Аналогичным названием подвергаются все иностранные имена собственные во всех странах, если они переходят в том же написании из одного языка в другой. Кроме того, иностранные имена подчиняются ритмическим законам принимающего языка, о чем свидетельствует перенесение в них ударения на последний слог во французском языке, на первый — в германских языках и т. п. Большие того, диакритические знаки, которым Л. В. Щерба придает такое значение, нередко отбрасываются во французских, английских и т. д. изданиях. Их по возможности сохраняют в Германии, да и то не всегда. При таких условиях лучше было бы ввести буквенную диакритику, но Л. В. Щерба восстает против нее, требуя изображения каждого звука одной буквой.

Отметим, однако, что Л. В. Щерба, а вслед за ним и Л. С. Карум не правы, говоря, что все латиноязычные языки оставляют без изменения графику имен собственных других латиноязычных языков. Так, например, в латышском языке издавна существует традиция именовать написание иностранных имен в соответствии с их произношением: *Schepirs*, *Sermanis* и т. п.

¹ См.: Л. С. Карум, О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ВЯ, 1953, № 6; Г. В. Шиникте, О транслитерации собственных имен, ВЯ, 1954, № 5.

² См.: Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ИАН ОЛЯ, 1940, вып. 3.

³ См. R. h. Martinon, Comment on prononce le français, Paris, 1913, стр. 343.

⁴ A. Varbeau et E. Rodhe, Dictionnaire phonétique de la langue française, Stockholm, 1930.